

С. П. Орленко
Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»,
Москва, Россия. Orlen@yandex.ru

О КАДРОВОМ СОСТАВЕ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ XVII в.

В статье рассматривается вопрос о кадровом составе придворной оружейной мастерской русских царей XVII в. Проводится сопоставление с кадровым составом Бронного приказа времени Ивана Грозного. Изучены и проанализированы изменения численности и состава ремесленных специальностей в Оружейной палате середины – второй половины XVII столетия.

Ключевые слова: Россия, XVII век, Оружейная палата, кадровый состав, мастера, численность, ремесленные специальности

Для изучения истории Оружейной палаты одним из ключевых является вопрос о ее кадровом составе. Материалы делопроизводства Оружейной палаты (Оружейного приказа) первой половины XVII в. сохранились очень плохо. За некоторые годы можно обнаружить лишь единичные документы, освещающие деятельность придворной оружейной мастерской. Сведения о кадровом составе Оружейной палаты исследователи могли почерпнуть из фрагментов текущей документации приказа, приходо-расходных книг разных ведомств¹, росписей оружейной казны (в том случае, если там был указан автор того или иного предмета оружия или доспеха).

К сожалению, историографию по данной теме нельзя назвать обширной. Попытка обобщить известные сведения о численности ремесленников придворной оружейной мастерской в XVII в. была предпринята О. Г. Ульяновым [Ульянов, с. 186–187]. Исследователь приводит цифры из незавершенной и неопубликованной работы помощника директора Оружейной палаты Л. П. Яковлева², известного труда И. Е. Забелина [Забелин, 1990], исследования М. Н. Ларченко [Ларченко, 1976], а также собственные подсчеты. Согласно сведениям Л. П. Яковлева, в 1613 г. в Оружейной палате удалось собрать 20 мастеров. Спустя два года их стало 39 человек, а в 1621 г. уже числилось 52 мастера, включая иноземных. К сожалению, ни в рукописи Л. П. Яковлева, ни в статье О. Г. Ульянова не содержится указаний на источники, из которых получены эти цифры.

Загадочно происхождение сведений о числе мастеров Оружейной палаты в 1627 г., якобы составлявшем 66 человек. В статье О. Г. Ульянова дана ссылка на несуществующую статью С. В. Бахрушина «Железодельные заводы в Русском государстве в XVI в.» [Ульянов, с. 186]. В 20-м сборнике «Вопросов географии» была опубликована статья С. В. Бахрушина «Железодельные районы в Русском государстве в XVI в.», которая информации о численности ремесленников придворной оружейной мастерской в XVII столетии не содержит [Бахрушин].

По подсчетам М. Н. Ларченко, в период 1613–1625 гг. в Оружейной палате трудилось до 130 мастеров разных специальностей [Ларченко, 1976, с. 25]. Речь идет о совокупной цифре за весь означенный период. Доказательно определить точную или хотя бы приблизительную численность и состав мастеров на какой-либо определенный момент до второй половины 1650-х гг. ранее не представлялось возможным. Почерпнутые из материалов приказного делопроизводства сведения о численности русских и иноземных мастеров Оружейной

¹ Самая ранняя сохранившаяся приходо-расходная книга Оружейной палаты относится к 1656 г.

² ОРПГФ Музеев Кремля. Ф. 1 (Оружейная палата). Оп. 1. Д. 76.

палаты «послечумного» десятилетия содержат не упомянутые О. Г. Ульяновым публикации М. Н. Ларченко и автора настоящей статьи [Ларченко, 1984, с. 185; Орленко, с. 446–447].

Общее число русских и иностранных ремесленников Оружейной палаты О. Г. Ульянов, ссылаясь на источник 1663 г., определяет как 108 человек [Ульянов, с. 187]. Подсчеты исследователя несколько разнятся с итогами, подведенными подьячими Оружейной палаты. Согласно документу, на который ссылается О. Г. Ульянов: «Обоево русским и иноземцам [мастерам] 112 человеком дано по их окладам...»³. Если исключить версию об арифметической ошибке, то небольшая разница может объясняться включением «по умолчанию» в итоговый подсчет учеников Оружейной палаты, также состоявших на постоянном жалованье. Возможность такого рода незначительных погрешностей нельзя исключать и для других финансовых документов Оружейной палаты XVII в.

Историк И. Е. Забелин в классическом труде «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» определяет численность мастеров Оружейной палаты в 1671 г. в 136 человек [Забелин, 1862, с. 83]. Однако изученная документация придворной оружейной мастерской начала 1670-х гг. свидетельствует о том, что число штатных ремесленников ведомства в это время было существенно меньше (см. Приложение 2). Несмотря на отсутствие сноски, удалось установить источник, на котором основывался автор. С полной уверенностью можно утверждать, что в счет были включены самопальные стрелки, сторожа, ученики и, вероятно, подьячие и приставы Оружейной палаты⁴. В 1680/1681 г. полная численность всех ремесленников (включая учеников) и служащих придворной оружейной мастерской составляла 191 человек⁵.

Самый ранний из выявленных документов, дающих представление о численности ремесленников придворной оружейной мастерской в XVII столетии, относится к 1645 г. Это сравнительно недавно введенная в научный оборот роспись мастерам и служащим Оружейной палаты, целовавшим крест на верность взошедшему на отцовский престол царю Алексею Михайловичу. Всего в списке фигурирует 69 мастеров, 4 самопальных стрелка и 8 сторожей⁶.

Тяжелый удар кадровому составу Оружейной палаты был нанесен чумой 1654 г. Эпидемия произвела страшные опустошения в русской столице. По подсчетам М. Ю. Романова, в Бронной слободе – районе, где издревле селились оружейники, – «моровое поветрие» унесло около 80 % населения [Романов, с. 47]. Эта цифра вполне согласуется с представлениями исследователей об уровне смертности от чумы по Москве в целом [Васильев, Сегал, с. 58]. После чумы численность придворных оружейников едва ли могла превышать несколько десятков человек.

Потери Оружейной палаты могли оказаться и более катастрофическими, если бы группа мастеров не покинула Москву до начала «морового поветрия», вместе с походной государевой оружейной казной царя Алексея Михайловича последовав на войну против Польско-Литовского государства. Сохранился датированный 29 апреля 1654 г. документ о награждении сукнами мастеров и служащих Оружейного приказа, «которым быть с государевою оружейной казной в Вяземском походе». В документе перечислены имена 20 мастеров, двух сторожей и подьячего Оружейной палаты⁷.

Сам царь Алексей Михайлович «на недруга своего, на Польского и Литовского короля Яна Казимира» выступил из Москвы 18 мая⁸. Практически нет сомнений, что группа мастеров и служащих Оружейной палаты, ранее отправленная в Вязьму, затем последовала с походной оружейной казной за государем на Смоленск.

³ РГАДА. Ф. 396 (Архив Московской Оружейной палаты). Оп. 1. Д. 8490. Л. 16.

⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13446. Л. 1–2.

⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20147. Л. 1.

⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36421. Л. 1–4.

⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5197. Л. 1–2.

⁸ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. С. 412.

Источники, проливающие свет на численность и состав группы придворных оружейников, бывших с государем в Виленском походе 1655 г., на сегодняшний день не выявлены. Нам известно, что в 1656 г. в Рижский поход с царем Алексеем Михайловичем ходили оружейники «Гришка Вяткин с товарищи одиннатцать человек, да четыре человека самопальных (стрелка. – С. О.), да два сторожа»⁹. Как видим, ко времени третьего воинского похода царя Алексея Михайловича группа мастеров, сопровождавших походную оружейную казну, уменьшилась почти вдвое.

Можно констатировать, что по сравнению с 1645 г. и общая численность мастеров Оружейной палаты заметно сократилась. Несмотря на то что со времени восшествия на престол царя Алексея Михайловича до окончания его военных походов прошло немногим более десяти лет, не только численность, но и персональный состав ремесленников придворной оружейной мастерской изменились весьма существенно. Сопоставив вышеупомянутые документы 1645 и 1656 гг., мы обнаружим, что из 69 царских оружейников, присягнувших молодому Алексею Михайловичу, на период завершения государевых военных походов на службе в Оружейной палате состояло только 14 человек¹⁰.

Если же мы сопоставим роспись 1645 г. и список «походной группы» 1654 г., то увидим, что в числе 20 ремесленников, последовавших в Вязьму, а затем и на Смоленск, уверенно опознаются не менее 7 мастеров, присягнувших царю Алексею Михайловичу при его восшествии на престол. Таким образом, из мастеров, числившихся в Оружейной палате в 1645 г., но не вошедших в состав «походной группы», на службе в 1656 г. осталось только 7 человек. Один из них – не покидавший Москву и переживший эпидемию знаменитый оружейник Никита Давыдов¹¹.

Без сомнения, важным фактором, трагически повлиявшим на численность и состав ремесленников придворной мастерской, была московская эпидемия 1654 г. Однако наряду с ней были и другие обстоятельства, которые могли негативно сказываться на функционировании Оружейной палаты в целом и на ее кадровом составе в 1640-е – первой трети 1650-х гг. в частности. Существенное влияние на деятельность ведомства оказывало то, насколько сильны или, напротив, уязвимы были позиции возглавлявших его лиц при дворе. Высокий уровень «административного ресурса» был залогом успешного функционирования учреждения. В конце царствования Михаила Федоровича возглавлявший придворные мастерские и в том числе Оружейную палату боярин князь Борис Александрович Репнин впал в немилость и в 1643 г. был отправлен из Москвы на воеводство в Астрахань. При этом заведывание Оружейным приказом за ним формально сохранялось до 1647 г. [Арсеньев, с. 141], пока не было передано боярину Григорию Гавриловичу Пушкину.

Для мастеров Оружейной палаты неприятности руководителя ведомства обернулись потерей части заработной платы. Придворным оружейникам перестали выплачивать поденный денежный корм, выдавая только годовые денежный и хлебный оклады. Можно предполагать, что сократилось финансирование ведомства в целом. Возглавившему Оружейную палату боярину и оружейнику Григорию Гавриловичу Пушкину понадобилось немало времени, чтобы исправить положение. Только в августе 1653 г. после доклада царю Алексею Михайловичу было велено мастерам «государево жалование давать поденной корм по-прежнему»¹². До этого существенное увеличение кадрового состава Оружейной палаты представляется маловероятным. Приказные документы свидетельствуют, что и в проблемный период новые

⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5762. Л. 1.

¹⁰ Возможная погрешность составляет 1–2 человека, обозначения которых (сочетание имени, патронима и прозвища) в различных документах могли различаться.

¹¹ См. Приложение 1.

¹² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4792. Л. 1.

мастера приходили в Оружейную палату. Однако принимали их на места ремесленников, ранее покинувших службу, не увеличивая, а лишь восполняя (возможно, частично) убыль личного состава¹³.

Отдельные документы начала 1650-х гг. указывают на то, что имел место отток ремесленных кадров из Оружейной палаты. Не позднее лета 1651 г. в оружейные дозорщики Рейтарского приказа перевелся один из ведущих мастеров Оружейной палаты – Кондратий Вяткин¹⁴. Приблизительно в это же время о переводе в Рейтарский приказ бил челом один из чищельников Оружейной палаты – Алексей Петров¹⁵.

Как указывалось выше, середина столетия была для Оружейной палаты крайне тяжелым периодом. Компенсировать потери от чумы, по замыслу руководства ведомства, должен был массовый перевод в Москву оружейников-иноземцев. По мнению М. Н. Ларченко, на 1656 г. в Оружейной палате числилось около 30 мастеров, включая новопринятых на «убылые места» [Ларченко, 1984, с. 185]. Исследователь основывался на документе о выдаче мастерам Оружейной палаты прибавочного жалованья¹⁶, однако нет уверенности, что документ содержит полный список мастеров. Несколько уточнить эти данные позволяет Расходная книга денежной казне Оружейного приказа 7165 (1656–1657) г. Согласно этому документу, в штате ведомства состояло 35 мастеров, один ученик, три сторожа, четыре самопальных стрелка¹⁷.

Бухгалтерская справка по челобитной, помеченной сентябрем 1659 г., сообщает, что русских оружейных разных дел мастеров числится всего 44 человека, четверо самопальных (стрелков), двое «иконников», подьячий и восемь сторожей. Иноземных же мастеров числилось 25 человек¹⁸. Большинство последних составляли так называемые «польские» мастера – ремесленники из Смоленска, Витебска, Полоцка, Могилева, Быхова, Шклова, Вильно и ряда других городов, переведенные в Оружейную палату во второй половине 1650-х гг. [Ларченко, 1984, с. 185]. Число их продолжало расти и в дальнейшем. Так, в 1660 г. в Оружейном приказе числилось «иноземцев, поляков витебских, виленских и иных» 31 мастер и 10 учеников¹⁹.

Согласно документу 1662 г. о выдаче наградных денег по случаю царских именин, в штате Оружейной палаты состояло 56 русских мастеровых человек и 68 иноземцев, всего 124 человека²⁰. Последняя цифра представляет собой зафиксированный в источниках исторический максимум численности ремесленного состава Оружейной палаты XVII столетия. В следующем, 1663 г. в Оружейной палате получали жалованье русские мастера «Никита Давыдов и Григорий Вяткин с товарищи» – 60 человек, «иноземцы Степан Григорьев с товарищи» – 52 человека, всего 112 ремесленников²¹. Таким образом, можно констатировать, что численность ремесленников Оружейной палаты несколько сократилась, причем, очевидно, за счет иноземных мастеров.

По всей вероятности, далеко не все мастера, переведенные в Оружейную палату из городов Великого княжества Литовского, оправдали возлагавшиеся на них надежды. Профессиональный уровень части репатриантов оказался весьма невысоким. В 1665 г. в Оружейной палате было проведено сокращение штатов. С целью экономии средств от службы придворной мастерской велено было отставить мастеров, «которые плохи и дела их мастерства неприбыльны». Всего в 1665 г. из придворной мастерской было уволено 22 ремесленника, большинство из которых

¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4044. Л. 3–19.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ, Москва). Оп. 9. Столбцы Московского стола. Стб. 875. Л. 135–139.

¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4153. Л. 18.

¹⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5653. Л. 1–35.

¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 947. Л. 44–62.

¹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7120. Л. 2–3.

¹⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 950. Л. 9–9 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34414. Л. 1–7.

²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8490. Л. 16.

(17 человек) составляли выходцы из Великого княжества Литовского²². Плавное снижение численности штата палаты продолжалось и в последующие несколько лет. В 1671 г. в придворной мастерской состояло 79 ремесленников разных специальностей²³.

Очевидно, что далее, в 1670-е гг., руководству Оружейной палаты удалось преодолеть проблемы с финансированием ведомства. Возможно, сыграл свою роль постоянно возрастающий объем задач, связанных с обеспечением парадно-церемониальных мероприятий русского двора. Так или иначе, численность ремесленников вновь растет. В штате придворной оружейной мастерской в 1680 г. состояло 113 ремесленников²⁴.

Ситуация существенно изменилась к концу столетия. Ассигнования на деятельность придворных мастерских вновь снижаются. Ограничениям подвергается количество денег и хлеба, выделяемое казной на оклады мастерам. Вследствие этого жалованье действующим ремесленникам выдается с значительной убавкой. В 1691 г. численность мастеров придворной оружейной мастерской составляла 99 человек²⁵.

Постепенное снижение численности ремесленников в результате «естественной убыли» не решало проблемы, и в том же 1691 г. в придворных мастерских вновь проводится сокращение штатов. Из Оружейной палаты были уволены 21 мастер разных специальностей и 19 учеников²⁶. Некоторым из отставленных оружейников удалось восстановиться на службе на сокращенном жалованье в ожидании «убылых окладов». В 1696 г. в штате Оружейной палаты состояло 85 ремесленников разных специальностей²⁷.

Выявленные и изученные материалы о кадровом составе ремесленников Оружейной палаты с середины 1640-х гг. до конца XVII столетия позволяют констатировать, что при должном внимании со стороны властей численность мастеров удавалось поддерживать близкой к численности Бронного приказа 1570-х гг., составлявшей, по подсчетам Д. Н. Альшица, 115 человек. Ученым были включены в счет самопальные стрелки, сторожа и административный состав ведомства [Альшиц, с. 13]. Реальное число ремесленников придворной оружейной мастерской Ивана Грозного следует считать близким к сотне.

Проблемным периодом для Оружейной палаты стали 1640-е гг. – время, когда возглавлявшего ведомство князя Бориса Александровича Репнина постигла царская немилость. Но и тогда численность ремесленников придворной оружейной мастерской составляла почти 70 человек. Крайне тяжелый ущерб кадровому составу был нанесен московской чумой 1654 г. В наиболее благоприятные периоды, относящиеся ко времени заведывания палатой оружейного Б. М. Хитрово, численность мастеров Оружейной палаты превышала 100 человек.

Чрезвычайно любопытные результаты дает наблюдение над изменением соотношения численности ремесленников разных специальностей в сопоставлении со штатом Бронного приказа 1672 г. Высшее положение среди оружейников Бронного приказа занимали мастера, изготавливавшие доспех и сабли. Численность бронников придворной мастерской времени Ивана Грозного весьма впечатляет. Шеломников 4 человека, юшманников 8 человек, панцирников 14 человек – вместе 26 мастеров [Ульянов, с. 175–177]²⁸.

Несомненно, и в штате Оружейной палаты первой половины XVII в. присутствовали бронники. Мы можем с уверенностью назвать имена Дмитрия Коновалова, Конона

²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9729. Л. 1–32.

²³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13447. Л. 1–22.

²⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20260. Л. 1–7.

²⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 28471. Л. 25–38.

²⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 28471. Л. 24–28.

²⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 967. Л. 60–67.

²⁸ Здесь и далее мы опираемся на подсчет мастеров Бронного приказа по специальностям, выполненный О. Г. Ульяновым.

Михайлова, Пospела Леонтьева, Алексея Иванова, Федора Кистенникова. Принадлежность этих оружейников к бронникам подтверждена свидетельствами (прямыми или косвенными) об участии в создании различных предметов доспеха. В Алфавите мастеров Оружейной палаты (приказа) по расходным книгам Казенного двора (приказа) в 1613–1620 гг., опубликованном в приложении к недавнему исследованию А. В. Малова [Малов, с. 47–57], немало мастеров фигурируют как «бронники», однако далеко не все из них упоминаются в связи с работами над броней. Казенный приказ, в котором мастерам выдавали пожалования, не был специализированным оружейным ведомством, где мастеров четко различали по специальностям, и часто термин «бронник» использовался как синоним общего понятия «оружейник».

Мастера шеломники и юшманники среди ремесленников Оружейной палаты второй половины XVII в. не упоминаются вовсе²⁹. В документах Оружейной палаты 1656 г. среди ремесленников ведомства упомянут только один бронный мастер – принятый на «убылое место» иноземец Петр Умшан (Ушман)³⁰, который прослужил недолго, и о доспехе его работы ничего не известно. Ряд так называемых «польских» мастеров, недавно выехавших в Москву из разных белорусских городов, на момент поступления в Оружейную палату названы «бронниками» или «пансырниками»³¹. Однако в окладной росписи, расходных книгах и столбцах Оружейной палаты их имена пропадают, либо они упоминаются как мастера других специальностей, преимущественно «наводного дела». Несколько ремесленников в 1660–1680-е гг. упоминаются как «пансырники», однако речь шла об учениках, присланных из Астрахани, которые новых панцирей делать не умели, а только чистили и чинили готовые, а также «вооружали» – сшивали панцирными соединениями зеркала и наручи³². Не удалось выявить в документах Оружейной палаты никакой информации о мастерах проволочного дела (в Бронном приказе 1572 г. их числилось 4 человека). Предположительно эти мастера делали проволоку, необходимую для изготовления кольчатого доспеха, о создании которого в Оружейной палате второй половины XVII в. также никаких свидетельств не обнаружено.

Таким образом, как видим, в штате Оружейной палаты второй половины XVII столетия фактически не осталось ремесленников, специализировавшихся на изготовлении брони. Тем не менее доспех и защитное вооружение: зеркала, куяки, наручи, бутурлыки, шишаки, щиты – создавались и в этот период, однако этим занимались мастера других специальностей.

Сабельных мастеров в Бронном приказе 1572 г. числилось немного – всего три человека. Узкая специализация этих ремесленников нам не известна (сабельными мастерами могли называть как мастеров, ковавших клинки, так и «огнивщиков» или сабельных придельщиков, изготавливавших и монтировавших прибор с готовыми клинками и делавших ножны). Но нет сомнений, что это были мастера очень высокого уровня – двое из трех являлись помещиками [Альшиц, с. 40].

Материалы приказного делопроизводства с разной степенью уверенности позволяют определить несколько мастеров Оружейной палаты как сабельников-клиночников. Алферий Васильев в записи 1616 г. назван сабельным кузнецом. Сабельными мастерами без уточнения специализации названы Павел Васильев и Михаил Степанов (до 1620 г.) [Малов, с. 48, 54, 56]. Вне всяких сомнений, клиночиком высокого уровня был сабельный мастер Алферий Юрьев. Сохранился ряд упоминаний об изготовлении им сабельных полос разного типа из дамасской и булатной стали. В Оружейной палате мастер прослужил довольно долго. Имя сабельника

²⁹ Здесь и далее относительно численности и состава специальностей мастеров Оружейной палаты второй половины XVII в. см. Приложение 2.

³⁰ РГАДА Ф. 396. Оп. 1. Д. 5653. Л. 25, 35.

³¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4630. Л. 3; Д. 6965. Л. 2.

³² РГАДА. Ф. 396 Оп. 1. Д. 8148. Л. 3; Д. 8893. Л. 196–199; Д. 9036. Л. 1–5; Д. 15513. Л. 22.

фигурирует в книгах Казенного двора 1616 г. и в росписи мастеров, присягнувших на верность царю Алексею Михайловичу в 1645 г. [Малов, с. 56; Орленко, Новоселов, Курмановский, с. 38, 50]. В позднейший период сабельников-клиночников в штате Оружейной палаты не выявлено. Как и доспех, сабельные клинки в небольшом количестве в Оружейной палате изготавливались, но занимались этим мастера других специальностей.

В росписи мастеровых людей Бронного приказа XVI в. сабельные придельщики не встречаются, но в Оружейной палате они упоминаются уже в первые годы после Смуты и присутствуют в номенклатуре ремесленных специальностей ведомства вплоть до конца столетия [Малов, с. 53]. Наибольшее число сабельных придельщиков состояло в штате в 1660-е гг. Вероятно, максимальным (около двух десятков) оно было в краткий период 1664–1665 гг. По росписи мастеровым людям Оружейной палаты, в штате придворной мастерской состояли шесть русских сабельных придельщиков и семь так называемых «поляков»³³. Еще восемь сабельных придельщиков в 1664 г. прибыли из Астрахани [Тальман, с. 81]³⁴.

В Бронном приказе числилось лишь трое мастеров самопальных пищалей, написанных последними среди царских оружейников. В Оружейной палате XVII в. ситуация существенно изменилась. Созданием огнестрельного оружия занимались мастера трех разных специальностей: ствольные, станочные и замочные мастера³⁵. Ствольные, а также самопальные (предположительно ствольные и замочные) мастера находились на вершине ремесленной иерархии придворных оружейников³⁶. В процентном отношении, за исключением 1690-х гг., количество мастеров, занимавшихся изготовлением огнестрельного оружия (совокупно всех трех специальностей), составляло от трети до половины общего числа ремесленников Оружейной палаты.

Примечательно, что совершенно обратным образом по отношению к огнестрельному оружию обстояли дела со специалистами, создававшими саадаки – приборы для ношения лука и стрел. В росписи мастеровых людей Бронного приказа названы ремесленники трех специальностей: четыре строчника, два саадачника и гохтуйник (тахтуйник). В Оружейной палате саадаки (колчаны, налучи, тахтуи) изготавливались строчными мастерами.

Сходным образом дело обстояло с мастерами, делавшими стрелы. В Бронном приказе 1572 г. числилось четверо стрельников и два железчика (изготавливали наконечники – «стрельные железца»). Собственно лучников в Бронном приказе служило пять человек. И в Оружейной палате строчники, лучники и стрельники присутствовали постоянно вплоть до конца XVII столетия, но число представителей каждой из специальностей составляло один-два мастера.

Вышеописанные различия в составе, численности и иерархии специальностей между Бронным приказом 1572 г. и Оружейной палатой указывают на высокую степень влияния «пороховой революции» на деятельность придворной мастерской русских царей. Несмотря на то что главным предметом государева воинского наряда оставался саадак, именно мастера, создававшие огнестрельное оружие, составляли ремесленную элиту Оружейной палаты середины – второй половины в XVII в.

Сопоставляя сведения о кадровом составе Бронного приказа и Оружейной палаты, трудно не заметить радикального различия в численности мастеров чищельников (принято считать, что они занимались чисткой и мелким ремонтом оружия и доспеха). В Бронном приказе чищельники были самой многочисленной группой мастеров – 26 человек.

³³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8930. Л. 4.

³⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9036. Л. 4–5.

³⁵ Исключение составляли несколько иноземных мастеров, способных изготовить все части огнестрельного оружия.

³⁶ Доказательно это можно утверждать лишь с середины 1640-х гг.

В 1645 г. среди 69 мастеров Оружейной палаты, присягнувших царю Алексею Михайловичу, было не менее 10 чищельников³⁷. В 1656/1657 г., когда мастерская еще не оправилась от последствий московской чумы 1654 г. и общая численность ремесленников составляла всего 35 человек, чищельников в штате числилось 8 человек. Позднее их численность последовательно снижалась, пока не достигла трех человек в 1696 г.

Мы не располагаем сколько-нибудь определенными сведениями об обширности и составе царской оружейной казны времени Ивана Грозного. Информация о царском арсенале первой половины XVII в. крайне скудна и отрывочна. Однако нам точно известно, что к середине XVII в. Оружейная палата обладала весьма масштабным и разносторонним собранием парадного и строевого оружия и доспеха [Ларченко, 1972]³⁸. Мы вправе предполагать, что к концу столетия это собрание существенно выросло. Описание государевой оружейной казны 1687 г. представляет собой рукописную книгу на 707 листах³⁹. Для поддержания в надлежащем состоянии такого количества оружия, доспеха и воинского снаряжения усилий нескольких чищельников было явно недостаточно.

Во второй половине XVII столетия руководство Оружейной палаты решало эту проблему, мобилизуя для чистки оружия и доспеха придворных оружейников разных специальностей, не исключая ведущих специалистов⁴⁰. Для чистки больших объемов оружия также использовали внештатных – кормовых мастеров или мастеровых людей Ствольного приказа на условиях поденной оплаты⁴¹. Можно полагать, что значительное число штатных чищельников в Бронном приказе времени Ивана IV может свидетельствовать как об обширности оружейной казны, так и о бережном отношении администрации приказа к рабочему времени высококвалифицированных мастеров.

По подсчетам О. Г. Ульянова, в Бронном приказе 1570-х гг. трудились ремесленники 20 специальностей [Ульянов, с. 177]. По наблюдениям М. Н. Ларченко, среди мастеров в Оружейной палате первой половины XVII в. можно было насчитать ремесленников до 15 разных специальностей [Ларченко, 1976, с. 25].

Близким к 20 было число специальностей ремесленников Оружейной палаты в каждой из семи изученных росписей мастеровых людей Оружейной палаты в период с 1656 по 1696 г. Всего же за это время в росписях упоминается о штатных мастерах приблизительно 30 разных специальностей. Ряд из них стабильно присутствовали в номенклатуре ремесел в придворной оружейной мастерской русских царей во второй половине XVII в. Другие появлялись и пропадали в разные десятилетия.

Рассматривая состав ремесленных специальностей Бронного приказа, мы видим там исключительно оружейников и представителей смежных специальностей, так или иначе задействованных в создании оружия, доспеха или воинского снаряжения. Несомненно, Бронный приказ представлял собой узкоспециализированное оружейное ведомство. В Оружейной палате 1650-х гг. количество неоружейных специальностей (иконописцы, мастер канительного дела, резчики по кости, травщики)⁴² относительно невелико. По мере приближения к концу столетия количество «гражданских» специальностей последовательно возрастало. В Оружейной палате появлялись столяры и резчики по дереву, мастера железного прорезного дела, живописцы, каретники, органные мастера, часовщик и даже цирюльник.

³⁷ Возможно, их было несколько больше. Удалось установить специальность только 54 из 69 мастеров, служивших в Оружейной палате в 1645 г.

³⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3593. Л. 1–82.

³⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 1–707.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 12165. Л. 122; Д. 15706. Л. 19; Д. 15476. Л. 61; Д. 15958. Л. 1; Д. 16712. Л. 1; Оп. 2. Д. 956. Л. 11.

⁴¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8893. Л. 119, 140, 143; Д. 13447. Л. 26–27, 131–132, 291.

⁴² Эпизодически некоторые мастера и этих специальностей привлекались к разного рода оружейным работам.

Несмотря на сугубо «оружейное» название ведомства, Оружейная палата фактически представляла собой многопрофильную придворную мастерскую, обеспечивая, помимо оружия и доспеха, довольно широкий спектр потребностей русского двора и царского семейства. Несомненно, играли роль и модные веяния в придворной среде – например, растущая популярность произведений «живописного воображения». Однако главным фактором, влияющим на характер деятельности Оружейной палаты, всегда оставались пожелания и склонности главного заказчика – русского государя.

Начиная с 70-х гг. XVII в. рост численности представителей неоружейных специальностей становится особенно заметен. В последней четверти столетия совокупное число представителей «мирных» профессий в Оружейной палате сопоставимо с совокупным числом оружейников. Существенно возрастает число иконописцев, живописцев, столяров и резчиков по дереву, мастеров железного прорезного дела – специалистов, задействованных при создании икон, настенных росписей, различных предметов храмового убранства (особенно много внимания украшению и поновлению храмов уделялось в царствование Федора Алексеевича). В целом, изменения кадрового состава объективно отражают снижение собственно оружейной составляющей в деятельности Оружейной палаты последней четверти XVII столетия.

Приложение 1

Алфавит мастеров Оружейной палаты 1645 г. с указанием специальности (при наличии информации), участия в походной группе 1654 г. и присутствия в штате Оружейной палаты в 1656 г.

Роспись ремесленников и служащих придворной оружейной мастерской, присягавших в 1645 г. царю Алексею Михайловичу, сообщает нам сведения о численности и персональном составе ведомства, однако не содержит указаний на специальности мастеров. Нет указаний на специальности и в росписи мастеров Вяземского похода 1654 г. Частично восполнить эти сведения позволяют столбцы текущего делопроизводства и приходо-расходные книги Оружейной палаты.

В тех случаях, когда известно личное или фамильное прозвище (фамилия) мастера, оно указывается первым. В иных случаях первым указывается личное имя мастера, а затем его патроним.

Аверкий Андреев (1645 г.) – не установлено
Алексей Афанасьев (1645 г.) – не установлено
Алексей Дементьев (1645, 1656 гг.) – чищельник
Алексей Иванов (1645 г.) – чищельник
Алексей Петров (1645 г.) – чищельник
Алфер Юрьев (1645 г.) – сабельный мастер (клиночник)
Алфим (Анфим) Яковлев (1645 г.) – станочный мастер
Артемий Остафьев (1645 г.) – чищельник, подельщик
Бажен Романов (1645 г.) – сабельный придельщик
Богдан Игнатьев (1645, 1656 гг.) – ножевой мастер
Борис Никитин (1645, 1654 гг.) – чищельник
Будилов Даниил (1645 г.) – не установлено
Василий Емельянов Стрельник (1645, 1654, 1656 гг.) – стрельный мастер
Василий Поликарпов (1645 г.) – не установлено
Вологда (Вологдин) Степан (Стефан) (1645, 1654 гг.) – замочный мастер
Вологдин Павел (1645 г.) – не установлено
Вяткин Григорий (1645, 1654, 1656 гг.) – самопальный мастер
Вяткин Кондратий (1645 г.) – самопальный мастер
Герасим (Гаранько) Афанасьев (1645 г.) – ствольный мастер
Григорий Андреев (1645 г.) – чищельник
Давыд Никитин (1645 г.) – чищельник
Дмитрий Матвеев (1645 г.) – не установлено

Дмитрий Никонов (1645 г.) – замочный мастер
Дмитрий (Митька) Степанов (1645, 1656 гг.) – строчный мастер
Иван Матвеев (Соловей) (1645, 1656 гг.) – травщик, знаменщик
Иван Михайлов (1645 г.) – чищельник
Иван Сергеев (1645 г.) – чищельник
Исаия Аврамов (1645 г.) – иконописец
Кирилл Афанасьев (1645, 1656 гг.) – наводного дела и замочный мастер⁴³
Кистенников Федор (1645 г.) – бронник
Корцов (Корец, Карцов) Кузьма (1645, 1654, 1656 гг.) – чищельник
Кузовлев Евтифий (1645, 1654, 1656 гг.) – станочный мастер
Кузьма (Куська) Клементьев (1645 г.) – *не установлено*
Ларион Дементьев (1645 г.) – станочный мастер
Ларион (Ларка) Иванов (1645 г.) – чищельник
Ларион (Ларко) Кистенников (1645 г.) – самопальный мастер
Лука (Лукашко) Федотов (1645 г.) – *не установлено*
Максим Давыдов (1645 г.) – ствольный мастер
Мартын Савин (1645, 1654, 1656 гг.) – лучный мастер
Муравей (Муровей) Иван (1645 г.) – *не установлено*
Любим Никитин (1645 г.) – самопальный мастер
Михаил Вологдин (1645 г.) – *не установлено*
Михаил Романов (1645 г.) – самопальный мастер
Михаил Степанов (1654, 1656 гг.) – замочный мастер
Никита Давыдов (1645, 1656 гг.) – самопальный и латный мастер
Оброська (Амвросий) Иванов (1645 г.) – сабельный придельщик
Осип Дмитриев (1645 г.) – *не установлено*
Осип Иванов (Огнивщик) (1645 г.) – сабельный придельщик
Петр Давыдов (1645 г.) – чищельник
Петр Данилов (1645 г.) – гзового дела
Поспеев Сидор (1645 г.) – *не установлено*
Прохор Иванов (1645, 1654, 1656 гг.) – сабельный придельщик
Роговиков (Рожков, Рожок) Дмитрий (1645 г.) – самопальный мастер
Роман Андреев (1645 г.) – *не установлено*
Савва Иванов (1645 г.) – лучный мастер
Савва Борисов (1645, 1656 гг.) – чищельник
Федор Иванов (1645 г.) – станочный мастер
Федор Панкратьев (1645 г.) – *не установлено*
Федор Пансырник (1645 г.) – *предположительно* панцирный мастер
Федор Юрьев (Ростовец (?)) (1645, 1654 гг.) – замочный (?) подельщик
Федот Никитин (1645, 1654 гг.) – чищельник, сабельный мастер
Федько Семенов (1645 г.) – чищельник
Фрол Архипов (1645 г.) – строчный мастер
Фрол Степанов (1645 г.) – иконописец
Юрий (Юрко) Максимов (1645 г.) – чемоданного дела
Юрий (Юрко) Федоров (1645 г.) – *не установлено*
Юрий (Юрко) Яковлев (1645 г.) – канительного дела
Яким (Еким, Аким) Федоров (1645, 1654, 1656 гг.) – сабельный придельщик
Яков Алексеев (1645 г.) – подельщик
Янко Алексеев (1645 г.) – чищельник

⁴³ Отставлен в 1648/1649 г., в сентябре 1652 г. снова принят в Оружейную палату (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4044. Л. 1–2, 14; Д. 4792. Л. 19).

Приложение 2

**Численность и состав ремесленных специальностей мастеров
Оружейной палаты 1656–1696 гг.**

	1656/1657 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 947. Л. 45–61)	1659/1660 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 949. Л. 87–133 об.)	1663/1664 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9282. Л. 1–22)	1671 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13447. Л. 1–21)	1680 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20260. Л. 1–7)	1691 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 28471. Л. 25–38)	1696 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 967. Л. 60–67)
Бронные	1	–	–	–	–	–	–
Деревянного резного дела; столяры	–	–	2	5	15	21	17
Гзовники	–	–	2	–	–	–	–
Замочные (в том числе замочные подельщики)	3	9	15	8	9	7	7
Железного прорезного дела; загормистры	–	–	7	1	4	4	6
Живописцы	–	–	–	–	10	13	9
Иконописцы	2	2	4	12	16	12	13
Канительного дела	1	1	–	–	–	–	–
Каретного дела	–	2	–	–	–	–	–
Костяные резчики; гребеньщики	2	2	7	6	3	3	3
Кузнецы	1	–	1	–	–	–	–
Левкашки	–	1	1	–	2	1	1
Лучники	1	1	2	1	1	1	1
Наводного дела	1	8	7	4	2	2	2
Ножевники	1	2	2	1	2	2	2
Ольстреники	1	1	2	2	2	1	1
Органного дела	–	–	–	–	–	1	–
Панцирники	–	–	–	2	1	1	–
Протазанного дела	–	1	1	–	–	–	–
Сабельные придельщики	4	7	12	2	2	2	2
Станочные	2	6	13	12	16	14	10
Ствольные и самопальные мастера ⁴⁴	4	15	28	17	18	7	8
Стрельники	1	1	1	1	2	2	1
Строчники	1	2	2	1	3	1	1

⁴⁴ Никита Давыдов в документах Оружейной палаты фигурирует как латный и самопальный мастер. Однако в росписях Оружейной палаты с его имени начинался список самопальных и ствольных мастеров. В таблице он также включен в счет ствольных и самопальных мастеров, кроме того, в число ствольных включены и иноземные «пищальные, карабинные, пистольные» мастера.

Травщики	1	1	–	–	–	–	–
Цилюрик (цирюльник?)	–	1	–	–	–	–	–
Часовщики	–	–	–	–	1	–	–
Чищельники	8	7	5	4	4	4	3
Шелкового, нашивочного, тесемного дела	–	–	3	–	–	–	–
Всего	35	70	117	79	113	99	85

Литература

- Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. // Исторический архив. М.; Л., 1949. Вып. 4. С. 3–71.
- Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII в. // Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. СПб., 1904. Вып. 16. С. 131–198.
- Бахрушин С. В. Железодельные районы в Русском государстве в XVI в. // Вопросы географии. М., 1950. Вып. 20. Историческая география СССР. С. 42–68.
- Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. М., 1960. 397 с.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1862. Ч. 1. 530 с.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990. Кн. 1. 312 с.
- Ларченко М. Н. Перечневая роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича // АЕ за 1971 г. М., 1972. С. 173–181.
- Ларченко М. Н. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. М., 1976. Вып. 2. С. 24–38.
- Ларченко М. Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. М., 1984. Вып. 4. С. 185–192.
- Малов А. В. Мастера Оружейного приказа в освобожденной Москве: материалы к просопографии по данным расходных книг Казенного приказа. 7122 (1613/1614) – 7127 (1618/1619) годы // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. М., 2018. Вып. 28. С. 42–65.
- Орленко С. П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей Международной научно-практической конференции. СПб., 2012. Ч. 2. С. 441–456.
- Орленко С., Новоселов В., Курмановский В. К вопросу о булатном оружии русской работы XVII в. (по материалам бывшего архива Оружейной палаты) // Историческое оружиеведение [Электронный ресурс]. 2019. № 7. С. 1–61. URL: <https://historical-weapons.com/wp-content/uploads/orlenko-novoselov-kurmanovskij-7.pdf> (дата обращения: 20.08.2020).
- Романов М. Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. История и люди. М., 2010. 221 с.
- Тальман Е. М. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Исторические записки. М., 1948. Т. 27. С. 67–95.
- Ульянов О. Г. Бронный приказ и его роль в развитии московской оружейной школы XVI–XVII веков (Специализация и проблемы секретности) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. СПб., 2016. Ч. 5. С. 169–190.

References

- Al'shits, D. N. Novyi dokument o lyudyakh i prikazakh oprichnogo dvora Ivana Groznogo posle 1572 g. [A New Document about the People and Orders of the Oprichny Court of Ivan the Terrible after 1572]. In *istoricheskii arkhiv*. Moscow; Leningrad, 1949. Issue 4. Pp. 3–71.
- Arsen'ev, Yu. K istorii Oruzheinogo prikaza v XVII v. [To the History of the Armory Chancellory in the 17th Century]. In *Vestnik arkheologii i istorii, izdavaemyi Imperatorskim Arkheologicheskim institutom*. Saint Petersburg, 1904. Issue 16. Pp. 131–198.
- Bakhrushin, S. V. Zhelezodelatel'nye raiony v Russkom gosudarstve v XVI v. [Iron-making Districts in the Russian State in the 16th Century]. In *Voprosy geografii*. Moscow, 1950. Issue 20. Istoricheskaya geografiya SSSR. Pp. 42–68.

Larchenko, M. N. Perechnevaya rospis' Oruzheinoi kazny tsarya Alekseya Mikhailovicha [List Inventory of the Armory Treasury of Tsar Alexei Mikhailovich]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1971 g.* Moscow, 1972. Pp. 173–181.

Larchenko, M. N. Novye dannye o masterakh-oruzheynikakh Oruzheinoi palaty pervoi poloviny XVII veka [New Data on the Master Gunsmiths of the Armory Chamber of the First Half of the 17th Century]. In *Materialy i issledovaniya. Gosudarstvennyye muzei Moskovskogo Kremlya.* Moscow, 1976. Issue 2. Pp. 24–38.

Larchenko, M. N. K voprosu o rabote tak nazyvaemykh “pol'skikh” masterov v Oruzheinoi palate vo vtoroi polovine XVII veka [On the Question of the Work of the So-called “Polish” Masters in the Armory Chamber in the Second Half of the 17th Century]. In *Materialy i issledovaniya. Gosudarstvennyye muzei Moskovskogo Kremlya.* Moscow, 1984. Issue 4. Pp. 185–192.

Malov, A. V. Mastera Oruzheynogo prikaza v osvobozhdennoi Moskve: materialy k prosopografii po dannym raskhodnykh knig Kazennogo prikaza. 7122 (1613/1614) – 7127 (1618/1619) gody [Masters of the Armory Chancellory in the Liberated Moscow: Materials for Prosopography according to the Data of the Expenditure Books of the Treasury Chancellory. 7122 (1613/1614) – 7127 (1618/1619)]. In *Materialy i issledovaniya. Muzei Moskovskogo Kremlya.* Moscow, 2018. Issue 28. Pp. 42–65.

Orlenko, S. P. K voprosu o deyatel'nosti pridvornnykh oruzheynykh masterskikh do i posle Smutnogo vremeni [On the Question of the Activities of the Court Armory Workshops before and after the Time of Troubles]. In *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy Tret'ei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Saint Petersburg, 2012. Part 2. Pp. 441–456.

Orlenko, S., Novoselov, V., Kurmanovskii, V. K voprosu o bulatnom oruzhii russkoi raboty XVII v. (po materialam byvshego arkhiva Oruzheinoi palaty) [On the Question of Damask Weapons of Russian Work of the 17th Century (Based on the Materials of the Former Archive of the Armory Chamber)]. In *Istoricheskoe oruzhievedenie* [website]. 2019. No. 7. Pp. 1–61. URL: <https://historical-weapons.com/wp-content/uploads/orlenko-novoselov-kurmanovskij-7.pdf> (accessed 20 August 2020).

Romanov, M. Yu. Moskovskaya Bronnaya sloboda v XVII veke. Istoriya i lyudi [Moscow Bronnaya Sloboda in the 17th Century. History and People]. Moscow, 2010. 221 p.

Tal'man, E. M. Remeslennoe uchenichestvo Moskvy v XVII v. [Craft Apprenticeship in Moscow in the 17th Century]. In *Istoricheskie zapiski.* Moscow, 1948. Vol. 27. Pp. 67–95.

Ul'yanov, O. G. Bronnyi prikaz i ego rol' v razvitii moskovskoi oruzheinoi shkoly XVI–XVII vekov (Spetsializatsiya i problemy sekretnosti) [Armor Chancellory and Its Role in the Development of the Moscow School of Weapons of the 16th – 17th Centuries (Specialization and Problems of Secrecy)]. In *Voina i oruzhie: Novye issledovaniya i materialy.* Saint Petersburg, 2016. Part 5. Pp. 169–190.

Vasil'ev, K. G., Segal, A. E. Istoriya epidemii v Rossii [History of Epidemics in Russia]. Moscow, 1960. 397 p.

Zabelin, I. E. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh [The Domestic Life of the Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, 1862. Part 1. 530 p.

Zabelin, I. E. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh [The Domestic Life of the Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, 1990. Book 1. 312 p.

Sergei P. Orlenko

State Historical and Cultural Museum and Reserve “Moscow Kremlin”, Moscow, Russia

ABOUT THE PERSONNEL OF THE ARMORY CHAMBER IN THE 17th CENTURY

The article is devoted to the study of the personnel of the Armory Chamber – court arms and armor workshop of the Russian tsars of the 17th century. A comparison is made with the personnel of Armor Chancellory of Ivan the Terrible. Changes in the number of personnel and the range of craft specialties in the Armory of the mid – second half of the 17th century were studied and analyzed.

Keywords: Russia, 17th century, Armory Chamber, personnel, craftsmen, number, craft specialties

